

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О ВОЗМОЖНОСТИ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ НАСИЛИЯ. РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ С.Н. БОРИСОВА ФЕНОМЕН НАСИЛИЯ В КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ И ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ. БЕЛГОРОД : ИД «БЕЛГОРОД» НИУ «БелГУ», 2013. – 252 с.

А.М. ДМИТРАКОВ¹
К.Е. МЮЛЬГАУПТ²

*¹ Белгородский государственный
институт искусств и культуры*

e-mail: ved2_phil@bsu.edu.ru

*² Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

С насилием как философской проблемой связан известный парадокс, заключающийся в том, что эта проблема имплицитно присутствует в большинстве традиционных философских проблем и сама таковой является, но, вместе с тем, довольно редко рассматривается сама по себе. Отсюда вопрос, может ли быть только философия насилия, автор монографии «Феномен насилия в культурно-антропологических практиках и философской антропологии» С.Н. Борисов показывает, что философия насилия возможна как антропология насилия. И дело не только в том, что насилие «невозможно» без человека как субъекта или объекта, в гораздо большей мере это обусловлено тем, что альтернативой остается рассмотрение насилия в контексте политики или этики. Собственно в предлагаемом С.Н. Борисовым подходе политики и этика также остаются, но рассматриваются как две другие возможности или стратегии в анализе насилия, которые не приводят нас к человеку как таковому, человеку историческому или, по выражению автора, «живому» человеку эпохи.

Причем из анализа концепта насилия в истории отечественной философии становится ясно, что политизация и этизация, как обозначенные генеральные стратегии в осмыслении насилия, достаточно прочно укоренились и, что достаточно интересно, по мысли автора в дополняют и нуждаются друг в друге. Этизация сводит проблему насилия к более фундаментальному понятию зла и тем самым ставит вопрос о его радикальном исключении из реальности. Столкновение же такой желаемой реальности с жизнью приводит к своеобразному компромиссу, результатом которого является возникновение концепта «ненасилие». Причем его необходимость обоснована только через и в противопоставлении насилию, как своеобразный тандем они позволяют развивать этический подход в осмыслении насилия, но при этом не говорят ничего о самом насилии, поскольку

ненасилие выводится из насилия, но само насилие остается неопределенным. Осуждение же насилия как такового, в свою очередь, актуализирует политизацию насилия как прагматический ответ на однозначное и утопичное исключение насилия. Внутри самого этого подхода деление насилия на легитимное и нелегитимное было достаточно проанализировано и раскрыто во всей его ограниченности еще В. Беньямином, что автор показывает, ссылаясь на другие источники. Вопрос, таким образом, заключается в том, возможен ли третий подход в определении насилия.

Как раз его и раскрывает С.Н. Борисов, отмечая, что в виде периферийных концептов, коннотаций, неявных смыслов насилие еще со времен античной философии и далее содержит в себе родовое понятие силы. Как в обращении к работам зарубежных авторов (Хофмайстера), так и собственных исследований, автор обосновывает значимость понятия силы, которое также является в значительной степени маргинальным в философии. Но, как показывает С.Н. Борисов, понятие силы достаточно продуктивно в построении антропологии насилия, и позволяет определить насилие не через противопоставление категорий, а как соотношение родового понятия силы и на-силия, как «узурпации» и «испорченности» силы: «... уже у Аристотеля мы можем найти интересующие нас смыслы, среди которых категория *dynamis* может сталкиваться как сила, а уже «сила» как «насилие» (*bia*) сопрягается с категориями возможности и необходимости. Возможная сила как способность в контексте природности и необходимости ставится в контексте естественности – силы и противоестественности – насилия как двух равновозможных сторон бытия. Противоестественность есть такое бытие, которое находится при-нужде, связано с необходимостью как принуждением, искажением естественного, природного блага или некой «захваченностью» силы. В результате возникает столкновение «действия» (*energeia*, сила) и «противо/действия» (на/силия) как «естественной» или «свободной» силы и силы «узурпированной», собственно насилия как узурпации «собственного решения»¹.

Такое первичное определение насилия, содержащее явные античные коннотации, впоследствии расширяется и уточняется в остальном тексте монографии. В частности в анализе «мифологического насилия», в анализе которого используется концепт «голой жизни». Последняя есть «просто» жизнь или *bios*, которая как раз и становится фокусом насилия мифологического. Сам же концепт «мифологического насилия» следует понимать как насилие, закрепленное в мифологических практиках и, прежде всего, в практиках жертвоприношения и войны. Именно в них «голая жизнь» раскрывается как объект насилия, жертва. Также в контексте мифа встает вопрос о начале насилия и его соотношения с агрессией. Предлагаемое автором решение обоснованно и складывается на основе анализа основных концепций агрессии, поскольку за агрессией признается его биопсихическая природа, а насилие связано с добавлением к этой основе символического измерения. Миф выступает здесь необходимым элементом для экспликации насилия не только из архаики как таковой, но и из проявлений животной агрессии, а возникновение человека и возникновение насилия оказываются синхронны.

Насилие в целом, если не останавливаться на детальном описании нюансов философских концепций и концептов насилия в философии, при анализе любого исторического этапа, а автор анализирует их начиная с древности и заканчивая современностью, предстает действительно силой. Напрашивается также аналогия энергии, которая подобно бессознательному в психоанализе, стремится к реализации и разрушает все, на что оно направлено. Силой препятствующей этому и силой организующей одновременно, становятся практики. Поэтому в концепции антропологии насилия С.Н. Борисова «мифологическое» насилие сменяется нравственно-правовым насилием античного полиса, с его платоновскими интуициями закона и идеи блага, заключенных в пространство полиса – полюса, с координатами движения энергии насилия. От оппозиции естественного и неестественного, силы и насилия, справедливого и несправедливого, практики насилия в следующую эпоху оформляются в религиозно-нравственное принуждение. Оно, в свою очередь, трансформируется в политическое насилие, которое в своих ранних формах рас-

¹Борисов С.Н. Феномен насилия в культурно-антропологических практиках и философской антропологии: монография. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 213. – С.36.

крывается в концептах «войны всех против всех», а позднее «революции». Именно здесь возникает привычная категориальная пара принуждение – насилие, которое проблематизируется в контексте конкретных событий эпохи модерна. Само понятие власти отражает возникшую двойственность, поскольку реализация власти связана с принуждением, но также угрозой насилия. Власть всегда остается потенциальным насилием. Человек же воспринимает эту микрофизику власти как некоторое воображаемое. Оно достаточно определенно выявляется автором в анализе философии Н. Макиавелли, Т. Гоббса, И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля.

Соотнесение неклассических философских концепций и практик насилия в современности дают оригинальный поворот в осмыслении связи феноменов насилия и тех концептов, которые проживаются сегодня философией. Опыт восприятия и критики идеологий, мировых войн и тоталитаризма оказывается не только соотнесен с психоаналитической парадигмой, но позволяет выявлять актуальные формы насилия в современности, такие как психологическое, биополитическое и символическое. Это действительно неочевидное насилие, поскольку оно уже не реализуется непосредственно. Можно согласиться с автором, что физическое насилие, которое явно и однозначно распознается в опыте человека, вытесняется на периферию и сознания и общества, в том числе «цивилизованного мира». Сегодня мы сталкиваемся с насилием опосредованным, прежде всего, массмедиа, техникой. Как пишет автор: «Медиа деструктивны, сущностно насильственны в своем воспроизведении, то есть функционировании, построении образа реальности. Эти же трансформации открывают возможность манипуляции...»¹. Отличие манипуляции от насилия, которое возникает в этой связи, также рассматривается, но более интересен вопрос о технике в ее связи с символом, возможностью создания манипулятивной реальности, которая не просто продуцирует образы насилия, но осуществляет более радикальное действие, насилие образа.

**ON THE POSSIBILITY OF PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY OF VIOLENCE. REVIEW
ON THE MONOGRAPH "PHENOMENON OF VIOLENCE IN CULTURAL ANTHROPOLOGICAL
PRACTICES AND PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY" BY S.N. BORISOV.
BELGOROD: PH "BELGOROD", 2013.**

A.M. DMITRAKOV¹

K.E. MULGAUPT²

*¹ Belgorod State Institute
of Arts and Culture*

e-mail: ved2_phil@bsu.edu.ru

*² Belgorod State National Re-
search University*

¹ Там же. С.244.